

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)52

КАК МЕЧТАНИЯ ИЗ «БЕЗУМНЫХ» СТАЛИ «БЕССМЫСЛЕННЫМИ»: К ИСТОРИИ РЕЧИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II 17 ЯНВАРЯ 1895 ГОДА

Д.А. Андреев

В статье рассматривается вопрос об авторстве речи императора Николая II перед депутациями в Зимнем дворце 17 января 1895 г., а также о предыстории этого события, то есть разбираются проблемы, неоднократно освещавшиеся в историографии. Обосновывается правомерность нового обращения к данной теме из-за появления исследований, доказывающих возможность новых интерпретаций указанных вопросов, а также благодаря привлечению к анализу названных сюжетов ранее не использованных источников.

Ключевые слова: император Александр III, император Николай II, великий князь Сергей Александрович, министр внутренних дел, обер-прокурор Святейшего синода, И.Н. Дурново, К.П. Победоносцев, И.И. Воронцов-Дашков.

Несмотря на неоднократные обращения исследователей к первому политическому публичному выступлению Николая II 17 января 1895 г. перед собравшимися в Зимнем дворце депутациями, некоторые вопросы этого события до сих пор остаются спорными. И.С. Розенталь во введении к публикации чернового и итогового вариантов императорской речи обозначает два основных проблемных узла темы. Первый из них – текстология известных редакций текста, адресованного депутациям. Названный узел является ключевым – он непосредственно предопределяет возможность существования другого узла, связанного с историей создания речи и ее авторством [13, с. 214–218]. Именно второй узел обычно привлекал к себе преимущественное внимание историков. В.Л. Степанов в статье, посвященной началу царствования Николая II, приводит подробный обзор суждений об авторстве государева обращения к депутациям [14, с. 155–156].

Розенталь считает, что напечатанный впоследствии в «Правительственном вестнике» текст речи не совпадает с тем, что император сказал в своем устном выступлении. Помимо «утраченного» (как полагает исследователь) оригинала выступления, а также версии из «Правительственного вестника», еще имелся своего рода «промежуточный вариант», то есть «запись того, что услышали из уст Николая II собравшиеся в Зимнем дворце». «Промежуточный вариант», предъявленный его издателем, оказался, по мнению последнего, рабочей версией редактора «Правительственного вестника» К.К. Случевского. Он представляет собой машинопись с резолюцией министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова («Напечатать в “Правительственном вестнике”») и с пометкой рукой Случевского о том, что речь является «записанной со слов» и «собственноручно... исправленной» главой МВД И.Н. Дурново. Историк следующим образом объясняет пометку Случевского: некий чиновник со слов записал речь императора, затем ее отредактировал Дурново, после чего Воронцов-Дашков переслал новую версию в редакцию «Правительственного вестника».

Приведенная реконструкция, по мысли Розенталя, позволяет иначе взглянуть на

проблемный узел об авторстве императорской речи и о том, как над ней велась работа. Исследователь называет двух лиц, которые потенциально могли быть ее составителями, – обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева (публикатор указывает, что это «наиболее распространенная в литературе версия») и министра внутренних дел И.Н. Дурново. Что касается последнего, то доказательством его непричастности к составлению текста царского выступления считалось свидетельство германского посла Б.-Ф.-В. фон Вердера. Спустя две с лишним недели после приема депутатий он опроверг принадлежность речи перу министра внутренних дел. Однако экземпляр Случевского убедительно свидетельствует о том, что руководитель МВД «все-таки имел отношение к составлению окончательного варианта речи, по меньшей мере как редактор». Да и допущение того, что Дурново мог быть автором речи или ее соавтором, становится поэтому «более весомым». Розенталь считает, что министр отталкивался от некоего «первоначального текста», с которым сверял сделанную со слуха запись.

В подтверждение версии о привлечении Дурново к работе над речью Николая II исследователь ссылается на уверенность в этом факте современников. Такая уверенность простекала из того, что министр внутренних дел регулярно и плотно контактировал с земцами, приезжавшими в столицу. К тому же в многочисленных сатирических стихотворениях, посвященных приему 17 января, их авторы не называли «никого другого, кроме царя и Дурново». В свете сказанного слова из дневника генерала А.А. Киреева (приводимые в передаче Ю.Б. Соловьева) о том, что речь оставила «впечатление самое удручающее... из-за глупого Дурново» историк воспринимает как еще одно доказательство ее выхода из-под пера министра.

Наконец, издатель рабочего варианта Случевского фактически отвергает авторство Победоносцева, так как отсутствует документальное подтверждение (в отличие от истории с манифестом о незыблемости самодержавия, 29 апреля 1881 г.) работы обер-прокурора над речью 17 января 1895 года. Дополнительным аргументом в пользу такого мнения Розенталь называет частоту аудиенций

Победоносцева и Дурново. В период с похорон Александра III 7 ноября 1894 г. и до выступления в Зимнем дворце 17 января 1895 г. обер-прокурор посетил императора «всего четыре раза – 12, 17, 30 декабря и 10 января», а министр внутренних дел «являлся с докладами еженедельно» [13, с. 215–218].

Исследователь ссылается на известные источники и работы по рассматриваемой теме. Однако историк ничего не говорит о кандидатской диссертации И.В. Лукоянова. Между тем в этой работе упоминаются три документа, которые опровергают изложенную концепцию. К сожалению, документы именно только упоминаются – без развернутого использования, что, безусловно, обедняет приведенный в диссертации взгляд [8, с. 50–51]. Первый документ – хранящееся в фонде великого князя Сергея Александровича в Отделе рукописей РГБ и датированное 12 января 1895 г. письмо обер-прокурора к московскому генерал-губернатору [10, л. 16–18 об.]. Второй документ – написанный рукой Победоносцева (и находящийся в его личном фонде в РГИА) черновик царской речи 17 января [11, л. 109]. Этот черновик во многом совпадает с тем, что произнес Николай II на приеме депутатий. Наконец, третий документ – отложившийся в фонде Воронцовых-Дашковых в РГИА и записанный рукой императора текст его выступления, который слово в слово совпадает с вариантом, опубликованным впоследствии в «Правительственном вестнике» [15, л. 1]. То есть оригинал обращения к депутатам нельзя считать «утраченным», как указывает публикатор. Анализ трех названных материалов, а также некоторых других – не упоминаемых Розенталем – источников (в частности, также находящейся в фонде Воронцовых-Дашковых в РГИА копии всеподданнейшего доклада Дурново) позволяет предложить иную реконструкцию предыстории выступления Николая II 17 января 1895 года.

Начать следует с разбора письма Победоносцева к Сергею Александровичу. Письмо это пространное, и, прежде чем перейти к изложению кульминационного момента послания – аудиенции у императора, обер-прокурор охарактеризовал политическую ситуацию, стремительно складывавшуюся за прошед-

шее после кончины Александра III время. Общественная атмосфера гальванизирована радикальными настроениями. «Всюду поднялись, – писал Победоносцев, – как болотные миазмы поутру, нелепые, но упорно повторяемые слухи, что новое царствование будет либеральнее, что готовятся реформы» [10, л. 16].

На приведенном замечании главы Синода следует остановиться отдельно. Обычно считается, что резкая отповедь земским деятелям в речи императора 17 января была спровоцирована поступающими на высочайшее имя адресами, в которых, собственно, и проговаривались надежды, названные позднее «бессмысленными мечтаниями». Однако исходившие из либеральных кругов заявления, которые могли не понравиться престолу, нельзя ограничивать исключительно адресами. Среди них были и нашумевшие публикации в известных периодических изданиях. «Не успело еще тело Александра III быть предано вечному покою, – писал в воспоминаниях занимавший в 1905–1907 гг. пост товарища министра внутренних дел, а потом ставший членом Государственного совета В.И. Гурко, – как пресса определенного направления поспешила выявить отрицательные стороны политики Александра III. Застрельщиками явились толстые ежемесячные журналы, как “Вестник Европы” и даже умеренного направления “Исторический вестник”. С достаточной прозрачностью указали эти органы на необходимость изменения политического курса в более либеральном направлении» [3, с. 34].

Буквально с первых же дней нового царствования стали распространяться слухи, в которых делался упор на оба названных обер-прокурором «предсказания» – предстоящих реформ и неизбежной общей либерализации правительственного курса.

Что касается реформ, то судачили не просто о каких-то косметических преобразованиях, а прямо о грядущем создании чуть ли не премьерского поста. Так, 30 октября хозяйка петербургского светского салона генеральша А.В. Богданович записала в дневнике, что в столице говорят о предстоящем назначении Д.А. Милютина канцлером, а также министром иностранных дел. При этом она особо выделила слух, будто, умирая, Александр III поручил бывшему военному мини-

стру «руководить сына» [1, л. 22]. Через какое-то время разговоры о якобы намеченном призвании Милютина на высокую государственную должность дошли до самого проживавшего в своем крымском имении отставного руководителя военного ведомства. В своем дневнике 30 ноября он сообщил о нескольких полученных им письмах, явившихся следствием молвы о будто бы состоявшемся назначении бывшего военного министра канцлером. Некая дама направила Милютину прошение на имя Николая II и просила передать его «в собственные руки» императора. Художник и скульптор М.О. Микешин извещал адресата, что посвятил ему «какой-то составленный им проект памятника», а также написанную по случаю возвращения Милютина во власть кантату. Причем письмо Микешина было адресовано непосредственно в императорскую резиденцию – Аничков дворец. «Потешило» отставника и послание из Америки от эмигрировавшего туда русского еврея, который выражал радость в связи с «мнимым назначением» и считал новую должность Милютина «знаменем радикального поворота» правительственной политики [9, л. 64]. Если слухи о собственном канцлерстве Милютин воспринимал с естественной иронией, то к аналогичному домыслу о квазипремьерстве председателя Комитета министров Н.Х. Бунге он отнесся внимательнее. Милютин 22 декабря записал в дневнике, что по слухам в присутствии Бунге происходят «все личные доклады министров государю» [9, л. 67].

Мнения о якобы ожидавшейся либерализации выглядели еще более несуразными. Богданович 4 ноября, по свежим следам приёма Николаем II членов Государственного совета, состоявшегося 2 ноября, сообщила в дневнике прокатившуюся в связи с этим событием молву: «Царь даст конституцию». Вопиющее несоответствие такого предположения всем, хотя пока еще немногочисленным, но тем не менее ясным, заявлениям нового государя на сей счет слух этот интерпретировал без каких бы то ни было ухищрений – мол, император «только для начала... говорил, что пойдет по стопам отца» [1, л. 27]. Подобное мнение еще довольно долго оставалось устойчивым. «Многие надеются, что царь будет либерального направления», – записала

генеральша в конце ноября [1, л. 52]. А еще почти через месяц, в конце декабря, Богданович изложила в дневнике высказывания воспитателя Николая II и его брата Георгия – генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, переданные ей сотрудником Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Н.И. Самойловичем. Бывший наставник Николая II был убежден, что «у молодого царя очень широкий взгляд», «он будет либерального направления» и «поведет Россию по пути прогресса». Данилович считал своего воспитанника «гораздо умнее отца», пребывал в убеждении, что он «подготовлен тщательно, а покойный царь нисколько не был подготовлен», и «ему помогал один здравый смысл». По словам генерал-адъютанта, молодой император не являлся «поклонником» учреждения земских начальников, и «при нем эта реформа не продержится». Более того, Данилович указывал на якобы имевший место факт: «Покойный царь тогда по этому вопросу согласился с меньшинством, а с большинством цесаревич подал свой голос» [там же, л. 82]. Любопытно, что муж хозяйки салона – генерал от инфантерии Е.В. Богданович – придерживался на сей счет обратного мнения: «...царь не будет либерального направления... он уже это выказывает теперь же на деле» [там же, л. 82 об.].

То есть указания Победоносцева в письме к Сергею Александровичу на «чудовищные слухи», которые свидетельствовали о «критическом отношении к отцу» в бытность Николая II цесаревичем, не были придуманы автором письма, а основывались на высказывавшихся тогда мнениях. Причем мнения эти исходили из кругов, весьма приближенных к престолу. Такое обстоятельство способствовало восприятию указанных слухов как достоверных фактов, что не могло не беспокоить обер-прокурора. Победоносцев отмечал и другие причины, способствовавшие, по его мнению, стремительному нарастанию домыслов о политическом направлении нового царствования. Он считал, что иллюзии о будто бы неминуемой либерализации вызваны, в том числе, и «политической бесцветностью личности цесаревича в минувшее царствование», и пересудами о поведении наследника (обер-прокурор имел в виду роман с Матильдой Кшесинской) [10, л. 16].

В сложившейся ситуации верховная власть объективно, а не в силу надуманных главой Синода причин была поставлена перед выбором. Либо промолчать – и тем самым дать еще более обильную пищу для самых фантастических предположений о том курсе, который станет проводить молодой государь, либо выступить и предельно четко изложить политическое кредо нового царствования.

Обер-прокурор также сообщил московскому генерал-губернатору, что имел с министром внутренних дел разговор по поводу адреса тверского земства. По словам Победоносцева, Дурново «с недовольным видом» сказал, что «слышал» об адресе, но официально обращение тверских земцев ему еще не было представлено. На реплику обер-прокурора о том, что оказавшегося в составе депутации Ф.И. Родичева «следовало бы устранить», министр внутренних дел возразил: «Нельзя же делать из них врагов государю». Под «ними» глава МВД подразумевал Родичева и «подобных ему» [10, л. 16 об.].

Неизвестно, когда именно состоялся этот разговор между Победоносцевым и Дурново. Дело в том, что последний на момент написания обер-прокурором письма к Сергею Александровичу уже, как минимум, несколько дней был в курсе дела с тверским земством. Министр внутренних дел 11 января подал Николаю II всеподданнейший доклад. В нем подробно освещался вопрос об адресе тверских земцев, а также история представления «словесными и общественными учреждениями Тверской губернии» аналогичных коллективных заявлений. В заключительной части доклада Дурново предлагал императору предпринять в сложившейся ситуации конкретные персональные решения [2, л. 1–2 об.]. Следует подчеркнуть, что министр внутренних дел изучил текст адреса. Об этом он прямо сообщал в докладе, отметив, что не считает допустимым «повергать на всемилостивейшее благоволение» тверской адрес, а потому – как следовало из такого заявления – берет на себя ответственность доложить о нем и наметить возможные для верховной власти способы отреагировать на него [там же, л. 1 об.]. Дурново предложил объявить выговор нескольким лицам – исправляющему должность председателя тверского губернского земского собра-

ния и некоторым уездным предводителям дворянства. Министр также призывал императора запретить губернскому гласному Родичеву «участвовать в сословных и общественных собраниях и выборах и подвергаться избранию на оных» [2, л. 2 об.]. Государь возвратил доклад с резолюцией: «Согласен». Ниже этой резолюции император прокомментировал свое решение: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этою неуместною выходкою 35 гласных губ[ернского] зем[ского] собрания. Хорошо тоже смотрят уездные предводители» [там же, л. 1]. Доклад, вероятно, был представлен императору 12 января. Судя по дневнику Николая II, именно в этот день он принимал Дурново [4, с. 59].

Получается, что Победоносцев ничего не знал о докладе министра внутренних дел. Напрашивается наиболее естественное объяснение замалчивания руководителем МВД дела с тверским адресом в беседе с обер-прокурором. Можно предположить, что Дурново хотел оставаться единственным информатором Николая II о земских делах в свете приближавшегося приема депутатов. Поэтому в разговоре с Победоносцевым он сделал вид, что не в курсе вопроса и даже более того – не склонен нагнетать излишние страсти и выставлять тверских земцев врагами престола. В пользу именно такой трактовки свидетельствует и нескрываемая тревога в письме обер-прокурора к Сергею Александровичу по поводу того, что никто всерьез не готовится к предстоящему приему депутатов: «Депутации съезжаются сюда – и я не знаю, как весь этот прием устроится с подношениями и адресами». Победоносцев указывал, что отдельные адреса – например, тверской или тульский – были откровенно «нагло написаны». И может так оказаться, что по недосмотру подобные коллективные обращения «допустят до государя – пожалуй, еще читать станут». Обер-прокурор сомневался в способности Дурново организовать все должным образом. По его словам, министр «ничего не понимает в деле литературы и культуры – и всего боится». Победоносцев считал гораздо более правильным решением в сложившейся обстановке нанести превентивный удар: чтобы император заранее ознакомился с адресами, «за неприличие» того или иного адреса «ис-

ключил бы из приема соответственную депутацию – это сразу дало бы острастку» [10, л. 17, 16].

Однако не стоит торопиться с утверждением, что обер-прокурор не был осведомлен о всеподданнейшем докладе Дурново. Пока что следует отметить очевидное намерение Победоносцева представить министра внутренних дел в неприглядном свете – как не владеющего ситуацией и неспособного предотвратить неудобный для государя казус, который мог бы случиться во время приема из-за бездействия главы МВД.

Так, повышая тревожный градус своего письма к московскому генерал-губернатору, обер-прокурор подошел к главному. Победоносцев поведал Сергею Александровичу, что был у императора утром 10 января, с сожалением заметив: «Но много ли скажешь и объяснишь в какие-нибудь двадцать минут между возвращением с прогулки в саду и очередным докладом ожидающегося внизу министра?» [там же, л. 17]. Отмеченные автором письма обстоятельства его аудиенции в тот день подтверждаются записью в дневнике Николая II за 10 января: «Погоуляли недолго, т[ак] к[ак] ко мне зашел К.П. Победоносцев. После вторичного кофе у Мама принял Ванновского (военного министра П.С. Ванновского. – Д. А.) и многих представляющихся» [4, с. 58].

Несмотря на то что на аудиенцию обер-прокурора было отведено мизерное время, он, судя по тому как это описано в письме, успел изложить императору свой совет. Победоносцев начал с того, что указал на принципиальное отличие переживаемого момента от первых недель царствования Александра III. Тогда «ввиду явной интриги и огласившихся уже проектов представительного собрания, которое интрига усиливалась навязать молодому государю», издание манифеста 29 апреля 1881 г. выглядело обоснованным шагом. Теперь такой необходимости нет. Однако потребность в некоем демонстративном жесте со стороны самодержца очевидна. Победоносцев предложил Николаю II следующий сценарий. «Будет прием многочисленных депутатов», – начал объяснять обер-прокурор свой план. По окончании приема можно было бы «собрать в особую комнату всех предводителей дворянства и сказать им твердое слово,

которое потом огласилось бы». Победоносцев даже «на всякий случай» оставил императору проект такого «твердого слова». Государь же не сказал в ответ обер-прокурору «ни да, ни нет и оставил бумажку у себя». С явной неуверенностью в том, как все сложится на самом деле, глава Синода подвел итог аудиенции: «Что из этого выйдет – не знаю» [10, л. 17].

К письму приложен написанный рукой Победоносцева проект речи, которую он призывал произнести перед дворянскими предводителями. Ввиду принципиальной значимости текста для предлагаемой реконструкции представляется целесообразным привести этот проект целиком. «Я рад был слышать от вас заявления верноподданнейших чувств, – говорилось в проекте, – верю искренности этих чувств: они и не могут быть иными у всех истинно русских людей, глубоко сознающих, что благо народа утверждается на единении всех сословий с самодержавною властью государя. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся безумными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. На вас, гг. предводители дворянства, лежит обязанность предупреждать все подобные мечтания, губительные для России, и не допускать публичного их выражения. Все должны знать, что я, посвящая все свои силы благу России, буду держать знамя самодержавия столь же твердо и неуклонно, как держал его в Бозе почивший мой родитель» [там же, л. 18–18 об.].

Даже беглое сравнение приведенного проекта с произнесенной императором 17 января речью убедительно свидетельствует, что выступление государя стало исправленным вариантом предложенного Победоносцевым текста. Замена Николаем II слова «безумные» на «бессмысленные» применительно к мечтаниям лишний раз подтверждает, что император работал именно с проектом обер-прокурора. Кстати, в первоначальном черновике проекта к слову «мечтания» вообще не предлагалось никакого определения: «Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых зем[ских] собраниях голоса людей, увлекавшихся мечтаниями об участии пред-

ставителей земства в делах внутреннего управления» [11, л. 109].

Заслуживает внимания содержащееся в проекте Победоносцева обращение к предводителям дворянства «предупреждать» «безумные мечтания», а также «не допускать публичного их выражения». Это обращение явно перекликается с начертанным на докладе Дурново упреком императора в адрес уездных дворянских предводителей. Вероятность случайного совпадения – тем более в столь конкретном вопросе, как ответственность дворянского самоуправления за самоуправление местное, да еще применительно к злободневной ситуации, – чрезвычайно мала. Правда, такое совпадение отчасти можно объяснить тем, что обер-прокурор писал проект речи в расчете именно на дворянских предводителей, а Николай II решил обратиться к более представительной аудитории, состоявшей из всех собравшихся в Зимнем дворце депутатов. Однако в любом случае Победоносцев, несомненно, знал, как минимум, то, что император начертал на докладе Дурново, – а значит был в курсе содержания этого документа. Следовательно, не министр внутренних дел сознательно умалчивал в разговоре с главой Синода о докладе и вообще о ситуации с адресами. Все было ровно наоборот. Победоносцев, уловив из императорской резолюции на докладе Дурново намерение урезонивать земцев силами дворянства, посчитал необходимым обратиться именно к предводителям и даже указал в проекте, что им надлежит делать. А чтобы предложение выглядело не результатом информированности обер-прокурора о докладе, а следствием случайной, но точной догадки о чаяниях Николая II, потребовалась поведенная в письме неправдоподобная история о том, что министр внутренних дел не владеет ситуацией. Вкупе с нагнетанием аргументационного градуса, достигшего своего максимума в той части письма, в которой Победоносцев перешел к рассказу об аудиенции, послание к дяде государя, имевшему влияние на своего племянника, должно было сработать. И оно, по-видимому, сработало. Степанов приводит указания на участие Сергея Александровича в составлении речи Николая II [14, с. 155–156]. Не исключено, что подобное предположение как раз и возникло вследствие

возможной консультации московского генерал-губернатора с императором, в ходе которой дядя предложил племяннику воспользоваться проектом обер-прокурора. В итоге государь так и поступил, хотя и не пожелал, как в резолюции на докладе Дурново, попенять дворянским предводителям на поведение земских деятелей.

Безусловно, Победоносцев рисковал. Факт его знакомства с докладом Дурново, а следовательно и сознательный «плагиат» в проекте речи мог легко обнаружиться. Но обер-прокурор в своем стремлении воспользоваться конъюнктурой и оказаться в нужный момент самым востребованным верховной властью лицом, похоже, был готов к осознанному опрометчивым шагам. Об аналогичной ситуации рассказывается в дневнике близкого к Александру III С.Д. Шереметева, который 27 октября 1894 г. был свидетелем того, как московский губернатор (а в тот день к тому же временно исправляющий должность московского генерал-губернатора, так как Сергей Александрович еще не вернулся из Ливадии) А.Г. Булыгин принимал Победоносцева. Обер-прокурор покинул Крым раньше траурного поезда. После Булыгин поведал Шереметеву о том, что Победоносцев «говорил о своей телеграмме» генерал-губернатору. В ней глава Синода пытался убедить Сергея Александровича посодействовать тому, чтобы во время остановки в Москве шедшего из Ливадии в Петербург траурного поезда гроб с телом покойного императора был выставлен в храме Христа Спасителя. (К мнению обер-прокурора тогда не прислушались – прощание с Александром III состоялось в кремлевском Архангельском соборе.) Через два дня Шереметев был у Сергея Александровича, возвратившегося в Москву для встречи траурного поезда. Автор дневника поинтересовался у великого князя, действительно ли Победоносцев поднимал в телеграмме вопрос о храме Христа Спасителя. Великий князь подтвердил факт получения телеграммы от обер-прокурора, однако сказал, что о храме Христа Спасителя в ней не было «ни слова». То есть Победоносцев, заключил Шереметев, «сказал неправду» Булыгину [16, л. 43–43 об.].

Написанный рукой императора итоговый вариант его речи обесценивает проделанную министром внутренних дел редактуру. Если этот документ и является тем самым «первоначальным текстом», на который, по мнению Розенталя, ориентировался Дурново, то зачем вообще потребовалась вся эта работа? Не логичнее ли было просто опубликовать царскую «записку»? Хотя не исключено и такое развитие событий сразу после приема 17 января. Речь государя надо было напечатать в «Правительственном вестнике», но у Воронцова-Дашкова не оказалось под рукой ее текста, а попросить у Николая II министр двора не решился. В результате он был вынужден организовать редактуру текста, записанного со слуха. Однако потом император передал написанный им текст выступления Воронцову-Дашкову. С этим текстом и сверялся Дурново при редактировании речи для «Правительственного вестника», о чем пишет Розенталь. Царский рукописный подлинник текста министр двора оставил у себя, чем, скорее всего, и объясняется его нахождение в фонде Воронцовых-Дашковых.

Не представляется корректным механическое сравнение количества аудиенций Победоносцева и Дурново. Следует принимать во внимание, что в середине декабря 1894 г. состоялась скандальная отставка министра путей сообщения А.К. Кривошеина, считавшегося креатурой министра внутренних дел. Если даже отношение Николая II к Дурново после этого события не изменилось, то император в любом случае не мог не учитывать упрёки, высказывавшиеся в адрес главы МВД за его ставленника. Если принять увольнение Кривошеина за своего рода рубежное событие, то после него в декабре 1894 г. Дурново был на приеме у государя только дважды – 22 и 29 декабря [5, л. 795 об., 811 об.]. В январе до царского выступления перед депутациями министр внутренних дел имел тоже две аудиенции – 5 и 12 января [4, с. 58–59]. Победоносцев в декабре (после отставки министра путей сообщения) также посещал Николая II два раза – 17 и 30 декабря [5, л. 790 об., 814]. В период с 1 по 17 января обер-прокурор встречался с императором только единожды – 10 января [4, с. 58]. Разница в одну аудиенцию не выглядит значимой.

Наконец, надлежит разобраться с цитируемым по публикации Соловьева фрагментом из дневника Киреева. В неприводимом Соловьевым фрагменте дневниковой записи Киреев подробно рассказал о роли Дурново в деле с тверским адресом. Тверской губернатор перестраховался, «не взвесил» содержания адреса, «испугался и донес о готовящейся революции дураку Дурново». Министр внутренних дел «воспользовался этим», «действительно испугался и донес государю дело в совершенно ложном свете». Император же «приготовил речь (сам он, кажется, ни с кем не советовался)». И далее (уже переходя к использованному Соловьевым высказыванию) Киреев сетовал: «Впечатление самое удручающее, все стремились к юному царю с лучшими чувствами, и из-за глупого Дурново! Какое горе!» [6, л. 9, 10]. Из дневника видно, что Киреев ничего не знал о роли Победоносцева в подготовке речи Николая II. Но ясно и другое – выражение «из-за глупого Дурново» (рассмотренное здесь, в отличие от того как это сделал Соловьев, в более широком контексте) следует понимать вполне определенным образом: прочитав доклад министра внутренних дел, император подготовил записку вполне определенного содержания. Усматривать во фразе Киреева указание на авторство Дурново царской речи нет оснований.

Розенталь упоминает известные в историографии версии о том, что Николай II оговорился и произнес слово «бессмысленные» (мечтания) вместо «беспочвенные» или «несбыточные» [13, с. 214]. Однако доказательств подобного взгляда не существует. Более того, А.С. Путилов, занявший через несколько лет после описываемых событий должность сотрудника канцелярии Совета министров, писал в воспоминаниях: «При приеме депутации царь произнес свою известную речь, в которой обозвал тверские вожделения “бессмысленными мечтаниями”». Тогда же появился целый ряд толков о том, что это была простая оговорка, что у императора в шапке лежала памятка с текстом речи, в которой эти мечтания охарактеризованы не “бессмысленными”, а “беспочвенными”. Кажется, однако, что это было не так. Как мне пришлось слышать, молодой царь говорил без всякого

волнения, спокойным и уверенным голосом и особенно отделил эти именно слова. Поэтому приписывать их обмолвке, вполне понятной при волнении, едва ли возможно, а при великолепной, прямо-таки исключительной памяти царя нельзя допустить, чтобы он не запомнил коротенькой речи и ошибся хотя бы в одном ее слове» [12, л. 44].

В мнении Путилова важно указание не только на ошибочность представления о случайном произнесении слова «бессмысленные». Обращает на себя внимание и оценка того, как себя держал император в ходе своего первого политического публичного выступления. Вообще, взгляд, что Николай II оговорился из-за волнения, во многом спровоцирован записью самого государя о том, что перед выходом к собравшимся депутациям он «был в страшных эмоциях» [4, с. 60]. Однако беспокойство во время ожидания какого-либо события совсем не означает автоматического сохранения такого же состояния, когда напряженный момент наступает. Сестра государя – великая княгиня Ксения – в письме к брату, цесаревичу Георгию, от 21 января 1895 г. ясно дала понять, что, выйдя к депутациям, Николай II взял себя в руки: «Он говорил так ясно, таким твердым и спокойным голосом, прекрасно. Бедный, он был страшно взволнован перед этим, ничего почти есть не мог, только подкреплял себя мадерой и был совсем зеленой (так в тексте. – Д. А.)!» [7, л. 10].

Таким образом, разбор указанных, но, еще раз обратим на это внимание, не проанализированных в диссертации Лукоянова документов вкупе с другими источниками не оставляет сомнения в том, что автором императорской речи был Победоносцев. Более того, в его «плагиате» резолюции Николая II на докладе Дурново можно даже усмотреть начало интриги обер-прокурора против министра внутренних дел – интриги, завершившейся через несколько месяцев назначением на пост главы МВД ставленника Победоносцева – И.Л. Горемыкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданович, А. В. Дневник, 1 октября–31 декабря 1894 г. / А. В. Богданович // РГИА. – Ф. 1620. – Оп. 1. – Д. 264. – Л. 22, 27, 52, 82, 82 об.

2. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново 11 января 1895 г. / И. Н. Дурново // РГИА. – Ф. 919. – Оп. 2. – Д. 598. – Л. 1–2 об.
3. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. – М. : Новое лит. обозрение, 2000. – 810 с.
4. Дневники императора Николая II / Николай II, император. – М. : Орбита, 1991. – 736 с.
5. Камер-фурьерский журнал (черновой) за 1894 г. // РГИА. – Ф. 516. – Оп. 53/2048. – Д. 15. – Л. 790 об., 795 об., 811 об., 814.
6. Киреев, А. А. Дневник. Ноябрь 1894 г. – декабрь 1899 г. / А. А. Киреев // ОР РГБ. – Ф. 126. – Д. 12. – Л. 9, 10.
7. Ксения Александровна, великая княгиня. Письмо к цесаревичу Георгию Александровичу от 21 января 1895 г. / Ксения Александровна, великая княгиня // ГА РФ. – Ф. 675. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 9 об., 10.
8. Лукоянов, И. В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правого реформаторства) : дис. ... канд. ист. наук / Лукоянов И. В. – СПб., 1993. – 375 с.
9. Милютин, Д. А. Дневник / Д. А. Милютин // ОР РГБ. – Ф. 169. – Карт. 7. – Д. 3. – Л. 64, 67.
10. Победоносцев, К. П. Письмо к великому князю Сергею Александровичу от 12 января 1895 г. / К. П. Победоносцев // ОР РГБ. – Ф. 253. – Карт. 29. – Д. 2. – Л. 16–18 об.
11. Победоносцев, К. П. Черновые записки К.П. Победоносцева / К. П. Победоносцев // РГИА. – Ф. 1574. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 109.
12. Путилов, А. С. Воспоминания / А. С. Путилов // РГАЛИ. – Ф. 1337. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 44.
13. «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями»: Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / публ. и вступ. ст. И. С. Розенталя // Исторический архив. – 1999. – №4. – С. 213–219.
14. Степанов, В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге / В. Л. Степанов // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение / отв. ред. А. Н. Цамутали. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 145–168.
15. Текст речи Николая II, обращенной к земской депутации (о «бессмысленных мечтаниях») / Николай II, император // РГИА. – Ф. 919. – Оп. 2. – Д. 609. – Л. 1.
16. Шереметев, С. Д. Дневник, 1894–1895 гг. / С. Д. Шереметев // РГАДА. – Ф. 1287. – Оп. 1. – Д. 5041. – Л. 43–43 об.

HOW «ABSURD» REVERIES BECAME «MEANINGLESS»: ON EMPEROR NICHOLAS II'S APPEAL ON 17th JANUARY, 1895

D.A. Andreev

The article deals with the authorship of Emperor Nicholas II's appeal to the deputations in the Winter Palace on 17th January, 1895 and the context of this event. The author argues that this subject, though repeatedly discussed in historiography, has to be analyzed again due to the possibility of new interpretations and the use of the new sources.

Key words: *Emperor Alexander III, Emperor Nicholas II, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Minister of the Interior, Procurator-General of the Holy Synod, I.N. Durnovo, K.P. Pobedonostsev, I.I. Vorontsov-Dashkov.*